

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-15>

УДК 340.15

Attribution

cc by

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Мирова М.А.

Московский государственный институт международных отношений

Аннотация. В статье исследуется историческое развитие принципа самоопределения народов – от политико-философской идеи до самостоятельного принципа современного международного права. Цель исследования – проследить генезис принципа самоопределения народов в международном праве и показать, как политико-философская идея, укоренённая в учениях о народном суверенитете, трансформировалась в самостоятельный принцип современного международного права. Методология основана на историко-правовой и формально-юридический методы, толкование договорных источников и анализ судебной практики и доктрины. В работе установлено, что самоопределение восходит к естественно-правовым учениям раннего Нового времени, связывавшим «народ» с народным суверенитетом и правом на сопротивление. В рамках правового позитивизма оно не признавалось субъективным правом народов, что подтверждают решение Постоянной палаты международного правосудия по делу «Лотус» и доклад по Аландским островам Переход в международно-правовую сферу связан с Уставом ООН 1945 г., деколонизацией и резолюциями Генеральной Ассамблеи, а нормативное закрепление – с общей статьей 1 Пактов о правах человека 1966 г. и Декларацией о принципах международного права 1970 г. Автор заключает, что самоопределение утвердилось как самостоятельный принцип позитивного международного права.

Ключевые слова: самоопределение народов, деколонизация, народный суверенитет, правовой позитивизм, естественно-правовая доктрина, история международного права, история правовых учений, права человека.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLE OF SELF-DETERMINATION OF PEOPLES

Malika A. Mirova

Moscow State Institute of International Relations

Abstract. This article examines the historical development of the principle of self-determination of peoples – from a political-philosophical idea to an autonomous principle of modern international law. The aim is to trace its genesis and to show how an idea rooted in doctrines of popular sovereignty was transformed into an autonomous principle of international law. The methodology rests on the historical-legal and formal-legal methods, the interpretation of treaty sources, and the analysis of judicial practice and doctrine. The study establishes that self-determination originates in the natural-law doctrines of the early modern period, which linked "the people" with popular sovereignty and the right of resistance. Under legal positivism it was not recognised as a subjective right of peoples, as confirmed by the Permanent Court of International Justice in the *Lotus* case and the report on the Åland Islands. Its transition into the international-legal sphere is associated with the Charter of the United Nations of 1945, decolonisation, and General Assembly resolutions, while its normative consolidation is linked to common Article 1 of the Covenants on Human Rights of 1966 and the Declaration on Principles of International Law of 1970. The author concludes that self-determination has become established as an autonomous principle of positive international law.

Keywords: self-determination of peoples, decolonisation, popular sovereignty, legal positivism, natural-law doctrine, history of international law, history of legal doctrines, human rights.

Funding: Independent work.

Введение.

Идея самоопределения народов начала формироваться до появления современных международно-правовых норм, способных придать ей юридически обязывающий характер.

Принцип самоопределения народов прошёл длительный путь – от политического движения, которое развивалось в различных странах в связи со стремлением избавиться от колониальной зависимости, до нормы международного права.

Данный процесс не носил линейный характер, напротив, каждый этап нормативного закрепления этого принципа сопровождался острыми политическими противоречиями между колониальными державами и народами, которые стремились к независимости, а его юридическое содержание формировалось под воздействием множества факторов: смены доктринальных парадигм международного права, двух мировых войн, внутренних вооружённых конфликтов в рамках процесса деколонизации и посте-

пенного определения категории прав человека в международной правовой системе.

Цель настоящего исследования — проследить генезис принципа самоопределения народов в международном праве и показать, каким образом политико-философская идея, укоренённая в учениях о народном суверенитете, трансформировалась в самостоятельный принцип современного международного права.

Его методологическую основу составляют историко-правовой и формально-юридический методы, толкование договорных источников, а также анализ международной судебной практики и доктрины.

Структура работы отражает логику этого перехода: вначале анализируется историческая эволюция концепции от естественно-правовых учений до договорной кодификации, после чего раскрываются теоретико-правовые результаты данной эволюции.

Обсуждение.

Ранние теории так называемого «права на сопротивление» прослеживаются, в частности, в трудах Гуго Гроция, который обосновывал «право на сопротивление» через идеи народного суверенитета и естественного права на наказание [1, с. 12–13].

Ключевым понятием в развитии всей естественно-правовой мысли раннего Нового времени по этому вопросу было понятие «народ».

Так, суверенитет государства С. Пуфендорфом обосновывался через концепцию общественного договора, в котором «народ» выступал источником верховной власти [2, с. 84–85].

Э. де Ваттель описывал международное сообщество как совокупность суверенных наций, каждая из которых управляет собой посредством собственной воли и законами, — подход, в котором независимость выступала не просто правом народа, но и признаком государства [3, с. 26, 28].

Учение о народном суверенитете, развитое в работах Дж. Локка, также оказало значительное влияние на представления о легитимности государственной власти, связав её с согласием управляемых и обозначив возможность сопротивления властям, нарушающим естественные права человека [4, с. 146, 169–170, 212–213].

Тем не менее, переход от этих идей отдельных философов-гуманистов к нормам международного права, носящим общеобязательный характер, требовал длительного исторического развития.

До окончательного оформления самого понятия и содержания принципа самоопределения отдельные его элементы находили отражение в декларациях независимости, то есть в декларативных документах, которым население прежде зависимой территории объявляли свою независимость [5, с. 536].

Первым примером такой декларации стала Декларация независимости США 1776 года, в которой были выражены требования об освобождении от колониальной зависимости, а также о праве американского народа на представление своих интересов. Тем самым, Декларация независимости закрепила право на самоопределение как на национальном уровне, так

и на международном, так как данный документ создал правовые последствия для всего международного сообщества, буквально обозначив создание нового субъекта права. Такая двойственная природа отражена в содержании права на самоопределение в современном международном праве, из-за чего данный документ в доктрине характеризуется как исторический и концептуальный исток для оформления данного принципа [6, с. 106;].

В дальнейшем, преобладание правового позитивизма как юридической философии оказало влияние, в том числе, на отношение к праву народов на самоопределение.

Постоянная Палата Международного Правосудия в решении по делу «Лотус» сформулировала классическое позитивистское понимание международного права, согласно которому «международное право регулирует отношения между независимыми государствами».

Нормы права, обязывающие государства, проистекают, таким образом, из их собственной воли» Естественно-правовые представления о правах народов, народном волеизъявлении и легитимности политической власти были оттеснены данным пониманием международного права как правопорядка, основанного в первую очередь на воле и согласии суверенных государств [7, с. 1–3, 9–10].

При таком подходе волеизъявления народов, не подкреплённые признанием со стороны государств или закреплением в позитивных источниках международного права, не могли рассматриваться в качестве источников прав.

Международное право в период до окончания Первой мировой войны не регулировало положения народов, проживающих внутри государств или на территориях, находящихся под их контролем, и обращение с ними составляло исключительную прерогативу государства. Именно после Первой мировой войны вопросы самоопределения начали переходить из области политической философии в сферу международного права. Было, в том числе, предложение о том, чтобы включить понятие «самоопределение» в Устав Лиги Наций, и соответствующая формулировка содержалась в третьем проекте Устава от 20 января 1919 г., предусматривавшем обязательство государств-участников уважать «политическую независимость и территориальную целостность» в случае, если территориальные изменения соответствуют «принципу самоопределения народов» [8, с. 139]. Это предложение, однако, не получило поддержки и не вошло в окончательную редакцию документа.

В докладе по вопросу об Аландских островах 1920 г. Совет Лиги Наций признал, что принцип самоопределения занимает значимое место в политической мысли того времени, однако подчеркнул, что он не был закреплён в Уставе Лиги Наций, а отдельные упоминания в международных договорах не позволяют рассматривать его как общую норму позитивного международного права. В этой связи, было указано на то, что позитивное международное право не предо-

ставляет национальным группам права на отделение от существующего государства исключительно на основании выраженного ими желания.

В рамках данного доклада, особое внимание было в том числе уделено территориальному вопросу: так, Совет Лиги Наций категорически указал на невозможность отчуждения территории государства без согласия последнего сугубо в силу волеизъявления определённого народа.

Тем самым, данное заключение отразило характерный для того периода подход, при котором самоопределение воспринималось прежде всего, как политический принцип, реализация которого зависела от согласия государств и общего международно-правового контекста, а не как субъективное право народа на одностороннее изменение государственной принадлежности территории.

В качестве альтернативы прямого признания права народов на самоопределение, была введена мандатная система. Тем не менее, распространённое в западной доктрине представление о мандатной системе Лиги Наций как о начальном этапе нормативного признания права народов на самоопределение не соответствует исторической действительности и последствиям внедрения этой системы.

Всестороннее изучение материалов Парижской мирной конференции 1919 г., практики держав-мандатариев и долгосрочных последствий проведённого ими территориального переустройства приводит к иному выводу: мандатная система не только не обеспечила реализации права на самоопределение многих народов подмандатных территорий, но и заложила правовые и территориальные основания для значительного числа неразрешённых международных конфликтов современности [9, с. 67].

Следовательно, в XIX – начале XX в. самоопределение сохраняло преимущественно политико-философское значение. При этом понятие «независимость» в рамках позитивистской парадигмы рассматривалась не как право народов, а как свойство государственного суверенитета, а именно внешнее проявление суверенитета, которое заключается в свободе принимать решения относительно внешней политики [10, с. 231–232].

Впервые право на самоопределение народов, в качестве одной из основ международного права, было признано с принятием Устава ООН в 1945 г: среди целей ООН было закреплено развитие дружественных отношений между государствами «на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». Помимо этого, статья 55 воспроизвела эту формулировку в контексте международного экономического и социального сотрудничества, связав её с «созданием условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружественных отношений между нациями».

Включение принципа самоопределения в Устав ООН, универсальный многосторонний договор

с наибольшим количеством государств-участников, ознаменовало его переход из области политического дискурса в международно-правовую сферу.

Вместе с тем, Устав ООН не раскрывает конкретного содержания этого правила, и последующая конкретизация принципа самоопределения происходила под воздействием процесса деколонизации, который коренным образом изменил состав международного сообщества.

Так, в рамках уже системы ООН благодаря сотрудничеству группы арабо-азиатской государств вопросы деколонизации и самоопределения были выдвинуты на передний план. Эта группа, объединявшая государства Лиги арабских государств (Египет, Ирак, Ливан, Саудовскую Аравию, Сирию, Йемен), Иран, Афганистан и азиатские государства (Афганистан, Бирму, Индию, Иран, Пакистан, Филиппины), координировала голосование по ключевым колониальным вопросам и продвигала альтернативные проекты резолюций в противовес позиции колониальных держав [11, с. 254–256].

На пятой сессии Генеральной Ассамблеи делегации Афганистана и Саудовской Аравии внесли предложение о закреплении самоопределения в качестве индивидуального права человека в разрабатываемом Пакте о правах человека. В результате, Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 421D(V) от 4 декабря 1950 г., поручившую Комиссии по правам человека «изучить пути и средства, которые обеспечили бы право народов и наций на самоопределение», — тем самым самоопределение было впервые формально квалифицировано как вопрос прав человека.

Резолюция Генеральной Ассамблеи №545(VI) от 5 февраля 1952 г. подтвердила, что право народов на самоопределение должно быть включено в проектируемые пакты о правах человека, а Резолюция №637(VII) от 16 декабря 1952 г. провозгласила, что «право народов и наций на самоопределение является предпосылкой полного осуществления всех основных прав человека».

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 1960 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН в рамках Резолюции 1514, стала ещё одним нормативным закреплением того, что «все народы имеют право на самоопределение» и что «в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие». Декларация была принята 89 голосами «за» при отсутствии голосов «против» (9 государств воздержались, в их числе — ведущие колониальные державы) — это свидетельствует о почти единогласном согласии международного сообщества с универсальным характером принципа самоопределения, не ограниченного никакими мандатами.

Принятая позже резолюция 1541 (XV) от 15 декабря 1960 г. конкретизировала способы реализации права на самоопределение применительно к несамоуправляющимся территориям, выделив три формы: становление суверенным независимым государ-

ством, свободное объединение с независимым государством или интеграция с независимым государством. Принципиальным условием правомерности любой из этих форм является «свободный и подлинный выбор» соответствующего народа, сделанный «путем применения понятных и демократических методов».

Международные пакты о правах человека 1966 г. завершили процесс договорной кодификации права на самоопределение. Общая статья 1 пункт 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах установила: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права, они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН (далее – Декларация о принципах международного права 1970 г.), принятая Генеральной Ассамблеей уже консенсусом, развила содержание принципа, закрепив право народов свободно определять свой политический статус и обязанность государств содействовать его осуществлению; принцип V Декларации придал самоопределению статус одного из основных принципов международного права, стоящего в одном ряду с принципами суверенного равенства, невмешательства, запрета применения силы и добросовестного выполнения обязательств. Одновременно, Декларация ввела так называемую «защитную оговорку», согласно которой ничто в её тексте не должно толковаться как санкционирование действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства, «соблюдающего в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов» и имеющего «правительство, представляющее весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи». Эта оговорка стала основой для существующих по сей день доктринальных дискуссий о соотношении внешнего самоопределения и территориальной целостности государства.

Результаты.

Рассмотренная историческая эволюция позволяет увидеть в самоопределении не только последовательно расширявшийся комплекс международно-правовых предписаний, но и пример изменения самой юридической конструкции права.

На первоначальном этапе самоопределение существовало как политико-правовая идея, обосновавшая происхождение публичной власти из воли народа, допустимость сопротивления тирании и возможность учреждения нового политического порядка.

В современном праве оно одновременно выступает основополагающим принципом, субъективным коллективным правом и основанием для определенных обязанностей государств. Следовательно, его развитие следует характеризовать не как простое

накопление международных актов, а как переход от ценностного и доктринального обоснования к позитивно-правовому оформлению соответствующего притязания [12, с. 11–14; 13, с. 625–626]

В естественно-правовых учениях XVII–XVIII вв. народ рассматривался как первоначальный носитель верховной власти, передающий полномочия правителю или учреждаемым органам посредством общественного договора. Тем самым, была сформирована основная идея самоопределения — зависимость легитимности публичной власти от воли управляемых, однако эта воля еще не порождала самостоятельного международно-правового притязания [2, с. 84–85].

Исторически первой, таким образом, сложилась внутренняя сторона самоопределения, связанная с источником и организацией власти, тогда как возможность выбора международно-правового статуса территории получила признание значительно позднее. В условиях правового позитивизма, выведившего обязательность международных норм из согласованной воли государств, народ, не обладавший самостоятельной правосубъектностью, не мог противопоставить свое волеизъявление государству, которое выступало основным создателем права и носителем территориального верховенства [7, р. 1–10].

Вместе с тем, позитивизм сыграл двойственную роль: препятствуя признанию политических требований народов юридически обязательными без их формального закрепления, он одновременно обусловил особое значение Устава ООН, Международных пактов о правах человека и последующей практики государств, благодаря которым идея народного суверенитета была преобразована в норму позитивного международного права.

Для теоретико-правовой характеристики самоопределения принципиально важно разграничивать его существование как принципа права и как субъективного права. В общей теории права принципы рассматриваются не как политические декларации, а как наиболее обобщенные нормативные начала, определяющие содержание, направленность, толкование и применение иных правовых предписаний.

С.С. Алексеев подчеркивал, что основополагающие принципы представляют собой выражение права и служат основой для его применения и толкования [14, с. 144–145].

Аналогичным образом А. Кассеζε характеризовал самоопределение как «зонтичный» принцип, объединяющий совокупность более конкретных правил [12, р. 128]. К ним относятся запрет иностранного подчинения и эксплуатации, требование свободного и подлинного волеизъявления, допустимые формы определения статуса несамоуправляющейся территории, а также обязанности государств уважать осуществление соответствующего права и содействовать ему.

Следовательно, принцип самоопределения выполняет системообразующую и интерпретационную функции, тогда как отдельные нормы, развива-

ющие его содержание, закрепляют конкретные дозволения, запреты и обязанности.

Одновременно, самоопределение является субъективным коллективным правом, носителем которого выступает народ. Это имеет общетеоретическое значение, поскольку право принадлежит не государству и не отдельному индивиду, а коллективному образованию, границы и критерии определения которого не всегда формально определены. Такое право не сводится к совокупности суммы индивидуальных прав членов соответствующей общности: его предметом является коллективный выбор политического статуса и направления экономического, социального и культурного развития. При этом признание народа носителем права не означает автоматического наделяния его всей совокупностью качеств, присущих государству как полному субъекту международного права. Речь идет о функциональной и ограниченной правосубъектности, возникающей применительно к определенному кругу отношений [15, p. 78–84].

В правоотношении самоопределения народ выступает управомоченной стороной; государство, осуществляющее власть над соответствующей территорией, — основным носителем обязанностей, а иные государства в силу характера обязательства *erga omnes* обладают юридическим интересом в его соблюдении.

Развитие самоопределения повлекло и трансформацию понятия суверенитета. Классическая позитивистская модель связывала суверенитет прежде всего с независимостью государства, эффективным контролем над территорией и невмешательством во внутренние дела.

Самоопределение ввело в данную конструкцию категорию народного суверенитета, поставив вопрос о юридическом основании государственной власти. Как отмечается в доктрине, благодаря праву на самоопределение народный суверенитет из средства политической легитимации превратился в юридически значимую категорию [13, p. 628–630].

Государственный суверенитет при таком подходе не исключается, но приобретает функциональный характер: государство осуществляет территориальное верховенство не вопреки воле населения, а в качестве формы политической организации народа. Именно этим объясняется сочетание в Декларации 1970 г. права народов свободно определять свой статус с защитой территориальной целостности государств, представляющих все население соответствующей территории.

Данная формула закрепила компромисс между стабильностью существующего государственного порядка и требованием легитимности публичной власти.

Особенность самоопределения как правовой категории состоит также в высокой степени смысловой открытости. Нормативные тексты не дают исчерпывающего определения понятий «народ», «свободный выбор» и «политический статус», а также не устанавливают универсальной границы между внутренней автономией и допустимостью внешнего отделения.

В терминологии Г.Л.А. Харта, подобные понятия обладают «открытой текстурой»: наряду с ядром относительно бесспорных случаев они имеют область неопределенности, в которой применение нормы требует толкования и учета конкретного контекста [10, p. 124–136].

В отношении самоопределения такое ядро сформировалось, прежде всего, применительно к колониальным народам, тогда как его применение за пределами деколонизации остается дискуссионным. Неопределенность здесь является не только недостатком юридической техники, но и результатом исторического компромисса: широкая формулировка обеспечила признание принципа государствами с различными политическими интересами, но одновременно оставила значительное пространство для конкурирующих толкований [13, p. 609–625].

Заключение.

Таким образом, генезис самоопределения отражает более общую закономерность развития права: первоначально сложившаяся в политико-правовой доктрине идея проходит стадии общественного признания, формального закрепления и последующей конкретизации в системе субъективных прав и юридических обязанностей.

История самоопределения демонстрирует взаимодействие естественно-правового и позитивистского типов правопонимания, изменение представлений о субъекте права и постепенное ограничение государственно-центричной модели международного правопорядка.

Именно в этом теоретико-историческом измерении самоопределение представляет собой не только институт международного права, но и значимый пример превращения политической идеи в нормативный принцип, а затем — в юридический механизм легитимации и ограничения публичной власти.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Weatherall T. *The Right to Self-Determination in International Law*. New York: Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197798119.001.0001

2. Pufendorf S. von. On the Duty of Man and Citizen According to the Natural Law in Two Books / transl. by F. G. Moore. [S. l.]: Lonang Institute, 2005. 113 p. URL: <https://lonang.com/wp-content/download/Pufendorf-DutyOfManAndCitizen.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).
3. Vattel E. de. The Law of Nations or the Principles of Natural Law in Four Books / transl. by J. Chitty. [S. l.]: Lonang Institute, 2005. URL: <https://lonang.com/wp-content/download/Vattel-LawOfNations.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).
4. Locke J. Two Treatises of Government // The Works of John Locke: in 10 vols. A new ed., corrected. Vol. 5. London: Printed for Thomas Tegg [et al.], 1823. P. 207-485.
5. Ермак К. А. Право народов на самоопределение и принцип территориальной целостности - коллизия или мнимое противоречие? // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конференции: в 3 ч. Ч. 2, Минск, 10-21 мая 2021 г. / Белорусский государственный университет; редкол.: В. Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2021. С. 535-538. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/294097> (дата обращения: 17.05.2026). EDN: VALCLM
6. Crawford J. Opinion: Third Party Obligations with Respect to Israeli Settlements in the Occupied Palestinian Territories. London: Matrix Chambers, 2012. 60 p. URL: <https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/tucfiles/LegalOpinionIsraeliSettlements.pdf> (дата обращения: 17.05.2026).
7. Lee H. E., Lee S. Positivism in International Law: State Sovereignty, Self-Determination, and Alternative Perspectives // Asian Yearbook of International Law. 2010. Vol. 16. P. 1-24. DOI: 10.1163/9789004379695_002
8. Kattan V. From Coexistence to Conquest: International Law and the Origins of the Arab-Israeli Conflict, 1891-1949. London; New York: Pluto Press, 2009. XXXI, 416 p. DOI: 10.2307/j.ctt183p4h6
9. Matz N. Civilization and the Mandate System under the League of Nations as Origin of Trusteeship // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005. Vol. 9. P. 47-95. DOI: 10.1163/138946305775160483
10. Hart H. L. A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012.
11. Ewing C. "With a Minimum of Bitterness": Decolonization, the Right to Self-Determination, and the Arab-Asian Group // Journal of Global History. 2022. Vol. 17, no. 2. P. 254-271. DOI: 10.1017/S1740022822000055 EDN: QRKQEM
12. Cassese A. Self-Determination of Peoples: A Legal Reappraisal. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. XVIII, 365 p.
13. Saul M. The Normative Status of Self-Determination in International Law: A Formula for Uncertainty in the Scope and Content of the Right? // Human Rights Law Review. 2011. Vol. 11, no. 4. P. 609-644. DOI: 10.1093/hrlr/ngr025
14. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 320 с. ISBN: 5-85639-093-8 EDN: RLSTNL
15. Summers J. Peoples and International Law: How Nationalism and Self-Determination Shape a Contemporary Law of Nations. 2nd ed. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2014. 630 p.

References:

1. Weatherall T. The right to self-determination in international law. New York: Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197798119.001.0001
2. Pufendorf S. background. On the duties of man and citizen according to natural law in two books / translated by G. F. Moore. [Trans. from English]: Lonang Institute, 2005. 113 p. URL: <https://lonang.com/wp-content/download/Pufendorf-DutyOfManAndCitizen.pdf> (date of request: 05/17/2026).
3. Vattel E. de. International law, or the Principles of Natural Law in four books / transl. author: Jay Chitty. [S. l.]: Lonang Institute, 2005. URL: <https://lonang.com/wp-content/download/Vattel-LawOfNations.pdf> (date of access: 05/17/2026).
4. Locke J. Two treatises on public administration // The Works of John Locke: in 10 volumes. A new revised edition. Volume 5. London: Printed for Thomas Tegg [et al.], 1823. pp. 207-485.
5. Ermak K. A. The right of peoples to self-determination and the principle of territorial integrity - a conflict or an imaginary contradiction? // 78th Scientific Conference of students and postgraduates of the Belarusian State University: conference proceedings: at 3 p.m., Part 2, Minsk, May 10-21, 2021 / Belarusian State University; editor: V. G. Safonov (chief editor) [and others]. Minsk: BSU, 2021. pp. 535-538. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/294097> (date of request: 05/17/2026). EMAIL address: VALCLM
6. Crawford J. Opinion: Obligations of third parties in relation to Israeli settlements in the occupied Palestinian territories. London: Matrix Chambers, 2012. 60 p. URL: <https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/tucfiles/LegalOpinionIsraeliSettlements.pdf> (accessed: 05/17/2026).
7. Lee H. E., Lee S. Positivism in International Law: State sovereignty, self-determination and alternative perspectives // Asian Yearbook of International Law. 2010. Volume 16. pp. 1-24. DOI: 10.1163/9789004379695_002
8. Kattan V. From coexistence to conquest: International law and the origins of the Arab-Israeli conflict, 1891-1949. London; New York: Pluto Press, 2009. XXXI, 416 pages. DOI: 10.2307/j.ctt183p4h6
9. Matz N. Civilization and the League of Nations mandate system as a source of trusteeship // Max Planck Yearbook on the Law of the United Nations. 2005. Volume 9. pp. 47-95. DOI: 10.1163/138946305775160483
10. Hart H. L. A. The concept of law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012.
11. Ewing S. "With a minimum of bitterness": Decolonization, the right to self-determination and the Arab-Asian group // Journal of Global History. 2022. Volume 17, No. 2. pp. 254-271. DOI: 10.1017/S1740022822000055 EDN: QRKQEM
12. Cassese A. Self-determination of peoples: a legal reassessment. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. XVIII, 365 p.
13. Sol M. The normative status of self-determination in international law: a formula for uncertainty in the scope and content of this right? // Review of human rights legislation. 2011. Volume 11, No. 4. pp. 609-644. DOI: 10.1093/hrlr/ngr025
14. Alekseev S. S. Theory of law. 2nd ed., revised and additional M.: BECK, 1995. 320 p. ISBN: 5-85639-093-8 EDN: RLSTNL
15. Summers J. Peoples and international law: how nationalism and self-determination shape modern international law. 2nd ed. Leiden; Boston: Martinus Nyhoff, 2014. 630 p.

Информация об авторе:

Мирова Малика Абдулмажидовна, юрист, Общество с ограниченной ответственностью «ГРАНДСТРОЙМИР»; Московский государственный институт международных отношений (Международно-правовой факультет), Mirova-Malika@yandex.ru.

Malika A. Mirova, Lawyer, GRANDSTROYMIR Limited Liability Company, Moscow State Institute of International Relations (Faculty of International Law).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.06.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.07.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.